

ВОЗРАСТ ВЫБОРА

О чем размышляют герои книг Александра Плетнева

НУЖНО набраться немало отбави, чтобы назвать роман коротко и исчерпывающе — «Шахта». В названии слышится чуть ли не вызов. Это все равно, что явиться на театральную премьеру в спецовке: принимайте, дескать, меня таким, каков я есть в повседневной жизни. Ведь мы уже привыкли, что в книгах с похожими названиями довольно часто имеем дело с добротным пересказом экономических проблем, которые, бесспорно, актуальны и важны и которые заставляют нас до боли сердечной переживать в жизни и оставляют нас равнодушными в литературном изложении.

Итак, прозаик Александр Плетнев своему, будем считать, программному произведению дал название «Шахта». Место действия определено. И тема заявлена — производственная. Вчитываясь.

Герои рубят уголь, любят, ревнуют, спрашивают праздники, ненавидят, копаются в приусадебном саду — да мало ли чем может заниматься человек. В «Шахте» нет конфликта, который бы полярно расставил героев, столкнул их в непримиримой борьбе. Но разве только конфликт, резкий, как вспышка молнии, способен высветить психологическую глубину характеров, определить позицию? Да хоть светопреставление случись, у бригадира Колыбаева одно будет на уме: машина. Он и несчастье соседа пытается отлить в монету, на беде других нагреть себе руки.

И зачем подвергать чрезвычайности обстоятельства самого привлекательного героя —

Михаила Свешнева? Ясно, что если в маленьких поступках он ведет себя порядочно и честно, то и в большом он будет, как кремень. Это не идеалист. Свешнев — рабочий человек, он крепко стоит на земле, уверен в своих силах. Имеет собственное здоровое мнение об окружающем мире. И с этого его не столкнуть, не сдвинуть. Собственное видение мира заставляет Свешнева думать. И вообще герои Плетнева много размышляют. Иногда просто физически чувствуешь, как ворочается тугая мысль, которая нередко заканчивается вопросами, над которыми бьемся все мы: зачем я живу? зачем добываю уголь? что такое любовь?

А герою рассказа «До утомления сердца» Иннокентию Кокорину нечаянно пришла в голову блажь: посчитать, сколько он добыл угля за свою жизнь... «Может, и не совсем нечаянно», — поправляется автор, — он всегда много думал. Додумался и до этого». И вот взял Иннокентий карандаш, считает. Сложил — и получилось: сто двадцать девять тысяч тонн.

Колыбаеву из «Шахты», тому много легче, он о машине думает. Он если и считает, сколько угля добыл, то лишь затем, чтобы знать, сколько ему в окошечке кассы в день получки выдадут. Вот и все мысли. Но Колыбаев скорее

исключение. Вот Степан Кошкар из рассказа «Зажигали», выпавшись после ночной смены, вышел во двор, увидел постаревшую листву на деревьях и подумал: «Ну вот и еще одно лето прошло. Почему мне так одиноко?»

И на жизнь вроде Степану пожаловаться нельзя. Зарабатывает — дай бог каждому. Любящая жена. Дом — полная чаша. Все есть, а спокойствия на сердце нет. Почему? — не может понять Степан. Другие точно так же живут и счастливы. А Степану тяжело, мучают его вопросы, вспоминает, как прекрасно ему было в шахтерском хоре, который пел, пел да и распался. А распался он потому, что слушателей у него не стало. А слушателей не стало, потому что телевизоры появились.

И вдруг Степана осенило! Да потому ему неспокойно, что хорошо зажили. Отлично даже зажили. «Большое богатство кругом». А что делать? Ведь не запретишь же людям искать счастья в вещах. Да и к тому же представление о счастье у каждого свое. Купит Колыбаев машину — и радость до конца жизни. А Степана и собственная машина не освободит от вечных вопросов: зачем я живу? зачем работаю?

У Иннокентия Кокорина тем временем голова тоже раскалывается от вопросов, хочет

выяснить: «Куда жизнь дел? Мало угля добыл или много? Откуда и зачем пришел на белый свет, а раз уж пришел, то почему уходить в никуда?»

Но не все у Плетнева так живут, не каждый способен осмыслить собственную жизнь. Колыбаев своей мечтой о машине прост и понятен. Знаешь, что от него можно ожидать. А вот Скачев, сосед Кокорина, посложнее. «Большой вред — книжки: они в сторону от работы уводят». Зябко становиться от таких слов Скачева.

Вообще Плетнев — мастер создать настроение, образ оной фразой, коротким эпизодом, неожиданным словом. Потому, видимо, ему не обязательно привлекать яркий конфликт, чтобы вылепить своих героев, вдохнуть в них жизни, их сущность проявится шаг за шагом, особенно если речь идет о любимых автором героях. Тот же Михаил Свешнев.

Свешнев — человек поступка. У него такое понятие о том, как должен человек трудиться: «Михаил сменного плана над собой не признавал. Он был убежден, что такой план придумали вместо погонажки для работников ленивых, хитрых и бессовестных. А когда все люди будут честными, тогда сменное задание отменяют». Заманчиво, хотя при современном состоянии

экономики вводить систему, основанную на отмене плана, преждевременно. Соображения Свешнева настолько порой противоречат общепринятым понятиям, что окружающие и понять-то его толком не могут. «План — это жизнь!.. — удивленно восклицает директор шахты. — Ты, Михаил Семенович, как-то вразрез жизни мыслишь!..»

Может, это и есть главный конфликт романа «Шахта»? Да и не только «Шахты». Рабочий человек мыслит. С работником, который мыслит, конечно, трудней. Он ничего на веру не берет. Со Скачевым, скажем, проще. Пусть он книги не любит, но уголь-то он выдает. И много выдает. Он, можно сказать, незаменимый работник, потому что, ему отдай приказание, он скажет: «Есть!» С такими начальству нет хлопот.

А вот с Михаилом Свешневым, Иннокентием Кокориным, Степаном Кошкарным хлопот случается немало. Свешнев хочет многое сделать по-своему, Свешнев гнет свое: работать надо «по воле сердца и наивысшего старания». И это не баранья упрямость, а твердая уверенность. Михаил Свешнев, как он задуман, достоин того, чтобы представлять рабочий класс в современной литературе.

Я не случайно употребил

это выражение — «как он задуман».

Жизнь шахтерскую Александр Плетнев знает не понаслышке. Иногда даже кажется, что знание всех тонкостей добычи угля запутывает автора, а заодно и читателя. Повествование сбивается на очерк, перегруженный технологическими деталями. Скажем, с первых же страниц романа герои принялись спорить: копать шахту или не копать. Мы-то по их ожесточенным высказываниям способны догадываться, что речь идет о чем-то серьезном и важном. Но что это — «копать»? — так и не удалось выяснить.

Но Свешнев не совсем убежден скорее вот почему. Умно задуманный образ Михаила тускнеет, когда автор, пытаясь еще больше приподнять его, почему-то сталкивается с интеллигенцией, которая предстает в романе даже глуповатой. Может, это получилось неосознанно, из самых лучших побуждений, однако нельзя же всерьез считать, что шахта держится в основном только на рабочих плечах. Думающему шахтеру нужен и думающий руководитель. А думающему начальнику шахты — думающий шахтер. Тут выгоднее содружество, а не противопоставление. В этом диалектика современной экономики.

У Александра Плетнева рабочая судьба. В рассказе «Вторая смена», который скорее можно назвать беллетризован-

ной автобиографией, описывается, как он стал писателем. Трудился в колхозе. Служил на флоте. После демобилизации устроился на шахту. «По пути в общежитие заходил я в библиотеку, — читаем мы в рассказе, — набирал книг, чтобы потом нежить на кровати отдыхом тело и читать. В книгах я искал ответа на единственный вопрос: как жить?» Как видим, путь в писателя начинается с вопросов.

Крепкая рабочая биография у Плетнева. Она незаметно переходит в его произведения, так что порой невозможно отличить, где размышления автора, а где — его героев. В этом не было бы ничего плохого, будь у автора позиция выражена почетче. Александр Плетнев пока еще не вырос из мира своих бывших товарищей по труду. Бесспорно, что жизнь шахты, ее устройство, устройство угледобывающего комбайна Плетневу знакомы. Но требуется и большая отстраненность от мира знакомых вещей, нужна высота, с которой детали будут казаться менее четкими, зато яснее общая картина.

«Поверившим в меня посвящаю». Такое посвящение Александр Плетнев мог бы поставить не только к автобиографическому рассказу, но ко всему своему творчеству. Он — представитель рабочего класса в литературе и стоит в ней столь же уверенно, как и его герои в жизни.

Н. АНДРЕЕВ.